Яков Минченков

Куинджи Архип Иванович

SHOUT
SHARE
IT

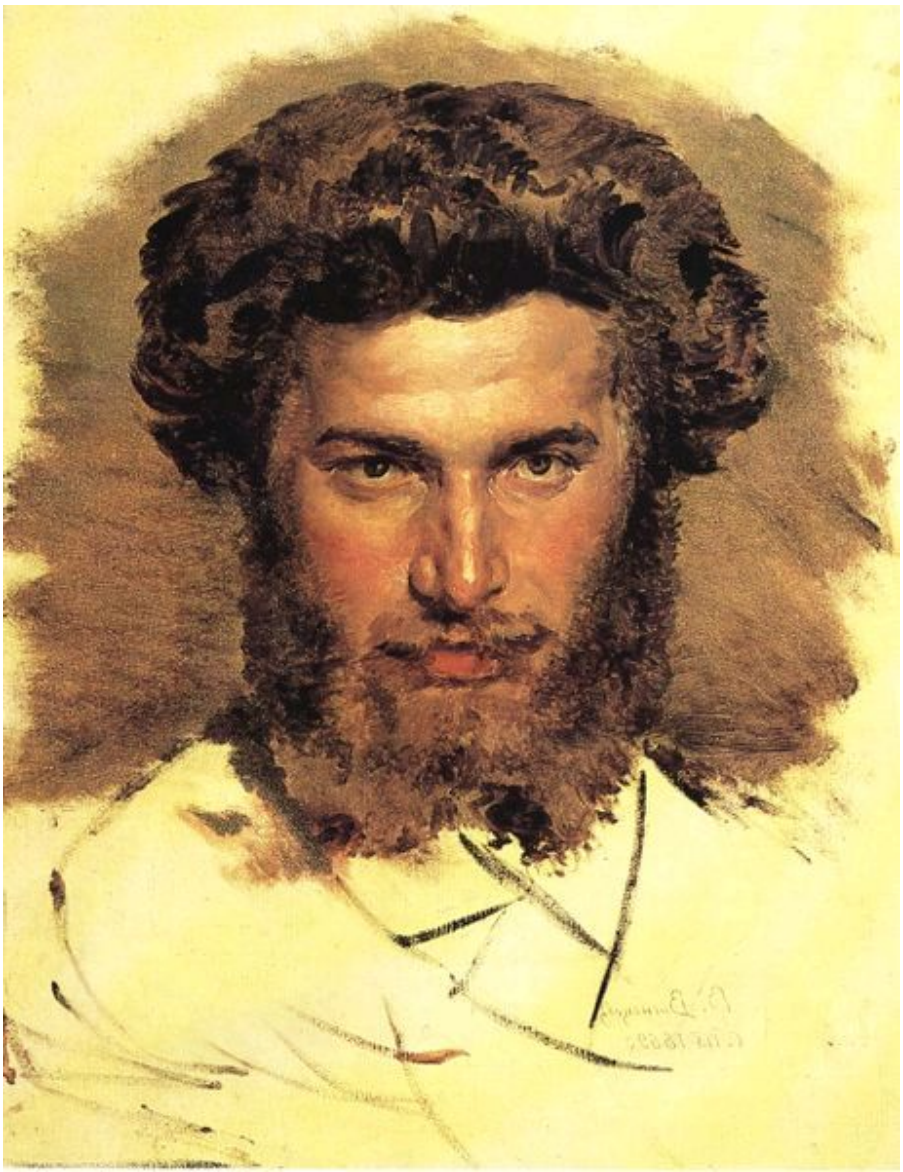
Annotation

«Если издалека слышался громкий голос: «Это что… это вот я же вам говорю…» – значит, шел Куинджи.

Коренастая, крепкая фигура, развалистая походка, грудь вперед, голова Зевса Олимпийского: длинные, слегка вьющиеся волосы и пышная борода, орлиный нос, уверенность и твердость во взоре. Много национального, греческого. Приходил, твердо садился и протягивал руку за папиросой, так как своих папирос никогда не имел, считая табак излишней прихотью. Угостит кто папироской – ладно, покурит, а то и так обойдется, особой потребности в табаке у него не было…»

- Яков Данилович Минченков
  -
  - Примечания

Яков Данилович Минченков
Куинджи Архип Иванович



Если издалека слышался громкий голос: «Это что… это вот я же вам говорю…» – значит, шел Куинджи.

Коренастая, крепкая фигура, развалистая походка, грудь вперед, голова Зевса Олимпийского: длинные, слегка вьющиеся волосы и пышная борода, орлиный нос, уверенность и твердость во взоре. Много национального, греческого. Приходил, твердо

садился и протягивал руку за папиросой, так как своих папирос никогда не имел, считая табак излишней прихотью. Угостит кто папироской – ладно, покурит, а то и так обойдется, особой потребности в табаке у него не было.

«Это вот я же им говорю, а они вот этого не понимают». Говорил, с трудом подыскивая выражения, как будто не совсем хорошо владел русским языком.

Из тона речи видно было, что у него за словом дело не постоит: что скажет Архип Иванович, то и сделает. И оно в действительности так и было. Жизнь Куинджи – это сплошная борьба за намеченный им план, за выполнение его цели. И везде он выходил победителем благодаря силе своего характера и огромному дарованию. Из беднейшего пастушка гусей в Мариуполе стал европейским художником, профессором Академии художеств, нажил огромное состояние и везде играл одну из передовых ролей.

У него сложилась такая идея: в капиталистическом обществе играют роль средства, и вся беда в неправильном их распределении. Бороться со всяким злом можно только деньгами. Поэтому надо накопить деньги и распределять их разумно, чем и можно лечить общественные язвы.

И вот Куинджи решает прежде всего разбогатеть. Успех его картин и довольно крупный от них заработок дают ему возможность начать осуществлять свою идею.

В дни моих дежурств на выставке Архип Иванович часто заходил ко мне, усаживался крепко, так, что трещал под ним стул, неизменно протягивал за папироской руку и, утопая в клубах дыма, который выпускал неуклюже, как не умеющий курить, уходил в воспоминания и строил новые планы.

Рассказал, как началась его денежная карьера. Когда накопил он около двадцати тысяч, решил купить себе дом. Выбрал на Петербургской стороне продававшийся двор, где все было запущено и полуразрушено. Осматривая дом, он забрался на чердак и из слухового окна обозревал Петербург и дальние окрестности. Вечерело. Панорама развертывалась прекрасная, в голове витали нарождающиеся планы, и Куинджи засиделся так долго, что не заметил, как заперли ему выход с чердака, и он остался там на ночь со своими мечтами. Утром, освободившись из плена, он внес все свои деньги в задаток за дом, а недостающую сумму должен был достать в банке, заложив дом. И тут на него напало раздумье и сомнение в выгоде этого предприятия. Дошло до того, что, боясь долгов, он хотел пожертвовать всем своим задатком и отказаться от покупки. Все же, после совета с женой, через банк купил дом и стал приводить

его в порядок. Человек он был практический, изобретательный, привел все постройки в исправный до неузнаваемости вид. Кончилось тем, что дом он продал чуть ли не в три раза дороже, чем купил.

Он приобретает опыт, становится до некоторой степени богачом и пускается в спекуляцию, которой нисколько не стесняется. У него – цель оправдывает средства.

А какая цель? Он говорит: «Это… это что же такое? Если я богат, то мне все возможно: и есть, и пить, и учиться, а вот если денег нет, то значит – будь голоден, болей, и учиться нельзя, как было со мной. Но я добился своего, а другие погибают. Так это же не так, это же надо исправить, это вот так, чтоб денег много было и дать их тем, кто нуждается, кто болен, кто учиться хочет».

И вот он собирает капитал. Покупает, перепродает и зарабатывает на картинах, продаваемых на выставках по высоким ценам. Себе на прожитие он оставляет ничтожную сумму, тратит только на квартиру и мастерскую, а на стол и остальные расходы по пятьдесят копеек в день на себя и жену.

Теперь он может, наконец, осуществлять свою мечту – помогать, главным образом молодым силам, студентам Академии художеств. Талантливых посылает за границу, больных на курорты, на лечение, и вообще старается выручить из беды всякого нуждающегося. Еще в начале его художественной деятельности, когда у него был ничтожный заработок, произошел такой случай. Куинджи оставил себе на лето, на переезд на дачу, четыреста рублей. В это время к нему обратился товарищ-передвижник за помощью на уплату за право учения своих детей. Куинджи говорит своей жене: «Без дачи мы можем обойтись, проживем лето в Питере, а вот детей товарища могут выгнать из гимназии, надо не допустить до этого», – и отдал деньги, а сам на дачу не поехал.

Когда у Куинджи составились большие средства, он едет в Крым, поселяется там с женой в шалаше и приобретает громадный участок земли, впоследствии миллионной стоимости. На этот участок он посылает и своих учеников. Вносит в Академию художеств сто тысяч рублей с тем, чтобы проценты с них шли на уплату премий за лучшие ученические работы, чтобы труд лучших мастеров не пропадал даром и чтобы большая публика, не разбирающаяся в произведениях искусства, видела оценку работ учащихся со стороны компетентного жюри, состоящего из профессоров и членов Академии. В состав жюри себя Куинджи не ставил. Таково было благое намерение Архипа Ивановича, но в жизни оно приняло другой оборот. Как и в конкурсных работах студентов Академии, здесь также появился

шаблон, особая манера писать на премию. Искренность, свобода чувства приносились в жертву премии, появлялся как бы (куинджиевский заказ на картины! и, как всякий заказ, от кого бы он ни исходил, заставлял человека приспосабливаться к определенным требованиям, отказываться от своего «я», обезличиваться. Все же, хотя премии не подымали искусства и часто достигали обратного, но деньги растворялись в нуждающейся массе учащихся, облегчали им жизнь. Слава Куинджи выросла еще раньше, до поступления его в Академию профессором. Когда он поставил свою картину «Ночь на Днепре», выставочный зал не вмещал публики, образовалась очередь, и экипажи посетителей тянулись по всей Морской улице. Даже художники терялись, не понимая, как у него была написана луна и блеск по воде. Казалось всем, что луна светила своим настоящим светом.

А потом «Березовая роща». Какая свежесть, какая новизна, какое дерзновение по тогдашнему времени!

Куинджи называли гениальным дикарем, не признающим никаких традиций. Он опрокидывал все правила, все рецепты и делал так, как бродило у него в голове от воспоминаний далекого детства, когда он с подругой, пастушкой Настей, просиживал ночи на берегу речки в Мариуполе, упиваясь лунным светом и блеском воды на реке и взморье.

У него все на впечатлении, он первый по-настоящему русский импрессионист. Он говорил: «Я учу так учеников: забудь все виденное на картинах художников и посмотри на тумбу, которая, мокрая от дождя, блестит на солнце. Пойми ее блеск, разгадай, как и отчего она блестит, и передай все в этюде. А когда будешь писать картину, не сморти на этюд, на котором еще будет много мелочей. А ты про них забудь и передавай в картине сущность, впечатление блеска там, где тебе надо».

Близ станции Подсолнечной находилась академическая дача, на которой летом жило и работало много учащихся из Академии художеств и Московского училища живописи, ваяния и зодчества. Туда приезжал и Куинджи, чтобы побыть с художественной молодежью не в казенной обстановке школы, а среди природы, свободной работы и досуга.

Приезд Архипа Ивановича являлся настоящим праздником для дачником. В честь его они устраивали вечера, прогулки и разные забавы.

Один раз разыграли на озере морское сражение. Собрали целую флотилию лодок, провели гонки, разные состязания и закончили баталией с захватом на абордаж и опрокидыванием

лодок.

Куинджи, точно Посейдона, опершись на весло, как на трезубец, смотрел, как барахтаются в воде молодые тела, сам приходил в азарт и командовал борющимися.

А вечером пиршество в столовой.

Еще заранее к Куинджи обратились за некоторыми разрешениями, на что тот стал говорить:

– Это… это… как же? Скажут: приехал Куинджи на дачу и стал кутить со студентами.

Но его настойчиво убеждали:

– Да разве мы пьянствовать собираемся? Ведь это раз только за лето, и то в честь вашего приезда, одно красное вино. Не станем же мы глушить водку!

– Разве что так. Это… это значит, как бы на банкете?

– Вот именно так, Архип Иванович!

Вопрос был согласован.

Вечер. Жгут бенгальские огни, кто-то запустил ракету. В столовой парадно накрыты столы с цветами. Приехали и пришли гости с соседних дач – молодые люди, нарядные девицы. В середине ужина, сюрпризом для большинства, не посвященного в заговор о вине, вносят высоко поднятые подносы с целым арсеналом бокалов, чарок и стаканчиков, неведомо откуда добытых. За ними появляются бутылки с вином.

Несущие выкрикивают:

– Дорогу! Расступись, богачи, – беднота гуляет!

Шум, смех, аплодисменты. Кричат:

– Тост! Тост! За Архипа Ивановича первый тост!

Поднимается Куинджи и дает знак рукой.

Умолкают.

– Это… это… что же? Тост? Так нет же! Вот… не за меня, а вот, чтоб за все наше, чтоб за вас, за меня, за них, чтоб за искусство, за молодость, за счастье… Это вот…

Тут вскочил украинец, ученик Куинджи.

– Во! То так! Так, батько Архип Иванович! А ну, хлопцы, заспиваемо писню!

И начал:

Выпьем за долю,
Выпьем за счастье…

Все с чарками в руках хором ее подхватили:

Щоб наша доля
Нас не цуралась…

Стоял Куинджи с высоко поднятым бокало, откинув с лица на плечи пряди вьющихся волос. И только пропели куплет, как сам его повторил:

– Это верно: чтоб наша доля нас не цуралась…

И громом молодых голосов наполнилась столовая, дрожат стены, и, как огромная дека, резонирует деревянный потолок столовой.

Все подхватили дальнейшие слова песни «Щоб краше на свити жилося!»

У Архипа Ивановича побледнело лицо, затуманились влагой глаза, а из переполненного, дрогнувшего бокала, как слезы, упали на стол капли вина.

И поют, поют эти буйные головы!

Все радостны и пьяны не от вина, а от счастья, от своих надежд, от дружбы, от единения со своим учителем Куинджи.

– Батько наш ріднесенький! – кричит из-за своего стола украинец, подбегает к Куинджи и бросается ему на шею, а за ним и другие.

Архип Иванович не успевает всех перецеловать.

Утро ясное. Провожают Куинджи на станцию. Он едет в тележке один, а кругом идут все академисты-дачники. Дурачатся, как дети. То бегут взапуски, то дерутся между собой или рвут полевые цветы и забрасывают ими Архипа Ивановича.

А тот не знает, что и делать, беспомощно разводит руками, смеется, говорит:

– Вот я же говорил, что хорошо, ну, вот видите… так вот это же и выходит.

Ему в ответ поют старую шуточную:

Как Куинджи, наш Архип,
Он за нас совсем охрип!

Пассажиры подоспевшего поезда не поймут, что за собрание молодых людей на станции и кого они провожают.

– Не знаете? – удивляется один из учеников Архипа Ивановича. – Мы академисты. А вы, может, и Куинджи не знаете?

Кто-то из пассажиров догадывается:

– Куинджи? Это – что березовая роща после дождя?

– А то как же! – отвечает академист.

Поезд трогается. Уезжает Куинджи. За его вагоном бежит еще толпа провожающих, а из раскрытых окон вагонов смеющиеся пассажиры машут платками.

В Академии Куинджи пробыл недолго. Когда происходили студенческие волнения, он приходил на собрания студентов и, хотя повел их на работу, но достаточно было того, что Куинджи пользовался авторитетом среди забастовавших студентов, что он руководил ими, чтобы и его причислить к лагерю протестующих и наказать. Куинджи был подвергнут домашнему аресту и уволен из состава профессоров.

Хотя Куинджи и вышел из профессоров Академии, но членом Академии оставался. Президент Академии князь Владимир, подавая при встрече руку членам Академии, обходил опального Куинджи. И только через несколько лет вызвал к себе Куинджи и извинился перед ним.

Когда слава Архипа Ивановича поднялась до зенита, когда все ему аплодировали, как большому артисту, он вышел на сцену, раскланялся перед публикой и скрылся за кулисами, чтоб никогда больше не выступать.

Куинджи как художника не стало, он перестал выставлять свои работы.

– У меня спрашивают, – говорил Куинджи, – почему это я бросил выставляться. Ну, так это вот так: художнику надо выступать на выставках, пока у него, как у певца, голос есть. А как только голос спадет – надо уходить, не показываться, чтоб не осмеяли. Вот я стал Архипом Ивановичем, всем известным, ну, это хорошо, а потом увидел, что больше так не сумею сделать, что голос стал как будто спадать. Ну, вот и скажут: был Куинджи и не стало Куинджи! Так вот я же не хочу так, а чтобы навсегда остался один Куинджи.

– Однако вы писали же потом, – говорю ему, – и хотя через двадцать лет, а показали свою работу ученикам своим?

Архип Иванович усмехнулся, окутался табачным дымом и продолжал:

– Это чтобы писать, так это же другое дело. Я всегда буду писать. Ведь я же художник, без этого нельзя. Я могу думать только с кистью в руке, и куда же я дену то, что стоит передо мной в воображении? Куда я от него уйду? Оно же мне не даст жить и спать, пока не изложу его на холсте. А что показал свою работу, так это меня бес попутал. Вот как было.

На понедельнике (собрание художников по понедельникам) стали спорить – какое искусство лучше: старое или новое. Ну, так я же им говорю: какое новое, какое старое? Таких нет, а есть только хорошее и есть плохое. И тогда было разное, и теперь. А они это говорят – раньше было лучше, а теперь хуже. Нет, говорю, и сейчас есть хорошее. Так они же опять: может, вы, говорят, что

сделали, да и то вряд ли. Вот что они мне сказали: вряд ли!

Тут бес меня под бок толкнул, а я еще перед тем стакан вина выпил, ну и говорю им: так вот же я покажу вам, что Куинджи и сейчас может сделать хорошее. А они это: покажите, говорят. И покажу, говорю, приходите завтра утром. Сам на извозчика, приезжаю домой, бужу жену, говорю: так и так – завтра показываю.

Всю ночь таскали из мастерской картины в квартиру, приводили их в порядок, расставляли на стульях, вешали. Только кончили, утром чуть свет приходят трое моих учеников. Вчера, говорят, вы, Архип Иванович, дали обещание показать свои картины. Мы, ученики ваши, обсудили так: если вы не показывали их двадцать лет, то имели, значит, на это основание. Мы не хотим пользоваться вашим, может быть, случайным словом и, как бы ни хотели повидать ваши произведения, но возвращаем вам ваше обещание и просим никому не показывать того, что сделано вами в последние годы. Вот видите, что они сказали! Ну так я же им ответил: благодарю вас, вы это хорошие люди, бережете меня, старика, а только Куинджи такой: что сказал, то и сделает, мое слово крепко. Ушли, а потом пришли все. Так вот я же вам скажу: я пережил такое, чего не хочу переживать до смерти. Как будто на кресте распят был.

Куинджи решил больше никому не показывать своих картин. Выставка его работ могла быть только посмертной. И он сдержал свое слово. На посмертной выставке выяснилось, что прав был Куинджи, опасаясь обнаружить свою слабость. Он действительно впадал уже в условность, повторял себя и нового ничего не мог дать.

Куинджи вел особую, свободную, созерцательную жизнь. Посещал выставки, академические собрания и художественные кружки и работал у себя – увы, лишь для посмертной выставки.

Приходил иногда к В. Маковскому на квартетные вечера, слушал музыку, стараясь понять незнакомые вещи, и делал замечания – и верные – по поводу содержания и исполнения их. Выражался про композитора так: «Это он верно говорит, тут так и надо, чтоб было в басу… вот тут вы убедительно… а это, это что? Так хорошо, что еще жить хочется».

Говорят, он тоже играл на скрипке, но мне не приходилось слышать.

Он хотел понимать все в искусстве и науке, и, когда ему говорили, что не все можно объяснить, что есть вещи, требующие особой научной подготовки, – он обижался: «Как же это так, что я не могу понять? Ведь я же человек и должен понимать все. Мне не надо подробностей, а в чем состоит эта наука – понять могу.

Это… это значит, вы не умеете разъяснить просто».

Одно время больным вопросом для художественных обществ было выставочное помещение. Кроме Общества поощрения и Академии, негде было устраивать выставки, не было подходящего зала. У Куинджи родился план перекрыть внутренний двор Академии стеклянной крышей. Он составил даже соответствующий чертеж, но держал почему-то свой проект в секрете.

Слабостью Куинджи была любовь к птицам. Ежедневно, в двенадцать часов, когда ударяла пушка в Петропавловской крепости, казалось, все птицы города летели на крышу дома, где жил Куинджи. На крышу выходил Архип Иванович с разным зерном и кормил птиц. Он подбирал больных и замерзших воробьев, галок, ворон, обогревал в комнате, лечил и ухаживал за больными. Говорят, что какой-то птице, заболевшей дифтеритом, он вставлял перышко в горло и тем спас от смерти. Жаловался на жену: «Вот моя старуха говорит: с тобой, Архип Иванович, вот что будет – приедет за тобой карета, скажут, там вот на дороге ворона замерзает, спасай. И повезут тебя, только не к вороне, а в дом умалишенных».

Карикатурист Щербов изобразил в карикатуре Куинджи с клизмой, которую он приготовляется ставить вороне на крыше дома.

– Это он, Щербов, знаете как? – говорил Архип Иванович. – Подкупил дворника и из слухового окна соседнего дома зарисовал меня на крыше. Дворнику два рубля дал, а можно было и за пятьдесят копеек. И как же так – вороне? Да это же никак невозможно, и на крыше… Это же она улетит.

Ах, Щербов! Кому только не доставалось от него в мире художников, а он только из этой среды и брал темы для своих карикатур. Фигура крепкая, коротко остриженная, большая умная голова, черная борода и постоянная трубка в зубах. Из-под густых бровей сурово смотрят добрые глаза. И зимой и летом одна и та же куртка на плечах. Лицо неподвижно-серьезное, а в коротких фразах смешная карикатура. Посмотрит в первый раз на человека и сейчас же особым чутьем художника вывернет его наизнанку, обнаружит всю его сущность. Переделает в карикатуру даже его фамилию, и она совпадает с его содержанием.

Никак потом не отделаешься от щербовской характеристики.

С появлением журнала «Мир искусства» в художественных кругах началось замешательство, переоценка художественных ценностей. Со стороны нового журнала, возглавляемого С. Дягилевым, доставалось больше всего передвижникам. Щербов говорил: «Ну, вот, сбылось-таки предсказание апокалипсиса,

народилось звериное число 666, и не стало вам покоя от Гадилева».

Дягилева Щербов изображал в разных видах.

Произошел пожар в Академии художеств. Сгорела мастерская Репина и обгорел главный купол Академии, развалилась венчавшая купол статуя Минервы. На ее месте остался один голый стержень. В это время избирали нового вице-президента Академии. Всех интересовало, из какого лагеря будет возглавляющий Академию: из старого лагеря, передвижнического толка, или из нового течения в искусстве. Щербов нарисовал карикатуру: на набережной Невы стоят передвижники и в ужасе смотрят на Академию, где огненные языки подымаются вокруг академического купола, а Дягилев, покровитель балета, в балетных юбочках приспособляется усесться на острый шпиль купола на место бывшей Минервы.

А потом Щербов решил сам занять должность президента.

– В Академии казенных дров много, так я подал прошение на президента. Запрягу тогда в повозку пару каменных сфинксов, чтоб они даром не лежали перед Академией, и буду катать жену по набережной.

Куинджи боялся Щербова: как увидит его у меня в кабинете на выставке, сейчас уйдет. Щербов обыкновенно сидел и чинил все карандаши, что лежали на столе. Он не мог видеть тупо очинённых карандашей.

Архип Иванович говорил:

– Это опять Щербов? Это уже он что-то задумал!

Время шло. Высоко держа голову ходил Куинджи. Почести льстили его самолюбию, как говорили некоторые. Может быть. Кто без греха и слабостей? Находились и такие, что уверяли, будто все предпринимаемое Куинджи – он делает как злой гений, из желания вредить Академии, из которой его уволили, подорвать ее авторитет, предоставив как бы «судиям неправедным» судить работы учащихся на выставке.

Я больше верил чуткой молодежи, которую редко можно провести и которая в Куинджи видела прежде всего своего друга. Я видел, какие жертвы приносил «неистовый Архип» (как его некоторые звали) во имя своей идеи, во имя блага, представляемого по-своему, и как он любил молодое талантливое поколение.

Я любовался его могучей фигурой, его мощным духом, его гордостью. «Это еще что… Это еще будем говорить… так я же докажу, что так нельзя, а надо сделать, чтоб было вот – хорошо!»

И он делал, как понимал, а чего не понимал – была не его вина.

Но пришла пора, и могучего Архипа Ивановича не стало видно в обществе. Он слег, сердце плохо.

– Посмотрите, – показывал Куинджи на свои руки, – какие мускулы, какая грудь, я еще богатырь, а нет сердца. Плохо.

Страдал глубоко – и физически и душевно. Жаловался:

– Зачем? Я бы еще мог… я бы еще сделал, еще надо много! Тяжко мне, принесите яду, – молил друзей своих.

Перед смертью он вскочил, выбежал в переднюю и упал, чтобы не подняться больше.

По завещанию все состояние его переходило Обществу художников (именовавшемуся потом Куинджиевским) для объединения художников и оказания им всяческой помощи. Жене была оставлена небольшая пенсия – шестьсот рублей в год.

За гробом Куинджи шло много незнакомых передвижникам людей, получивших от него помощь, что никому не было известно, а над домом кружились осиротевшие птицы.

Примечания

Куинджи Архип Иванович (1842–1910) – выдающийся пейзажист. Учился в петербургской Академии художеств. На передвижных выставках выступал в 1874–1879 гг. (член Товарищества с 1875 г.). С 1882 г. перестал показывать свои произведения на выставках. Был участником реорганизации Академии художеств и с 1894 г. руководил в ней пейзажной мастерской. Учениками Куинджи были А. А. Рылов, Н. К. Рерих, К. Ф. Богаевский, А. А. Борисов, В. Г. Пурвит, Ф. Рущиц и др. За поддержку студенческой забастовки был в 1897 г. отстранен от должности профессора. Произведения Куинджи, раскрывающие поэзию и красоту русской и украинской природы, отличаются величавостью и декоративностью образного строя, своеобразием колорита, мастерской передачей эффектов солнечного и лунного освещения («Украинская ночь», «Березовая роща», «Лунная ночь на Днепре» и др.).

Картина А. И. Куинджи *«Лунная ночь на Днепре»* (1880) находится в Государственном Русском музее, *«Березовая роща»* (1879) – в Государственной Третьяковской галерее.

«Понедельники художников» – общество петербургских художников, собиравшееся по понедельникам в помещении железнодорожного клуба на Английской набережной. Здесь вели беседы, рисовали с натуры. Деньги, вырученные от продажи рисунков и картин, поступали на содержание бедных семейств и сирот художников. Председателем общества был А. И. Куинджи, товарищем председателя К. Я. Крыжицкий.

Дягилев Сергей Павлович (1872–1929) – художественный и театральный деятель, редактор журнала «Мир искусства» и один из организаторов одноименной художественной группировки. Организовал выставку русского портрета в Таврическом дворце в Петербурге (1905), выставку русской живописи XVIII–XIX вв. в Париже и там же музыкально-театральные «русские сезоны» (продолжавшиеся ряд лет с 1907 г.). После Октябрьской революции жил в эмиграции.

Пожар в Академии художеств. – Пожар произошел 4 марта 1900 г. Обгорела система подпорок под статуей Минервы на куполе здания Академии и стропила над мастерской И. Е. Репина. Сильно пострадал Рафаэлевский зал, где погибло несколько

картин – копии с Рафаэля и др.

Общество имени А. И. Куинджи возникло по инициативе А. И. Куинджи как объединение художников-реалистов. Существовало с 1910 по 1930 г. Первыми председателями были: К. Я. Крыжицкий, И. Д. Ермаков, Н. П. Богданов-Бельский. А. И. Куинджи пожертвовал Обществу крупную сумму денег и земельный участок в Крыму. Общество выдавало ежегодно 24 премии за лучшие произведения искусства, приобретало произведения с различных выставок для галереи Общества и для передачи в другие музеи; устраивало вечера и доклады на «пятницах» – еженедельных собраниях членов Общества.